

...Это был задний вход в дом Шэнь Фаши.

Спустя несколько дней Цзи Саньмэй казался ещё более исхудавшим — до того, что одежда висела на нём, словно на вешалке. Не по размеру широкий халат сползал с плеч, обнажая изящные ключицы. Под глазами залегли густые, нерассеивающиеся тени, губы побледнели почти до незаметности, отчего он выглядел ещё более призрачно и неестественно.

Стояла глубокая зима. Ступени леденели насквозь, и холод проникал в кости. Цзи Саньмэй, пытаясь согреться, поджал свои длинные руки и ноги. В пальцах он по-прежнему судорожно сжимал золотую нефритовую курительную трубку — подарок Шэнь Фаши. Табак в чашечке уже остыл, но едкий запах дыма, исходивший от него, едва не заставил Шэнь Фаши закашляться, когда тот приблизился.

Как и несколько лет назад, Шэнь Фаши снова нашёл своего младшего брата Цзи у порога собственного дома.

Но на этот раз он уже не мог просто взять его на руки, отнести в постель и укрыть одеялом.

Шэнь Фаши присел на корточки и провёл рукой по воздуху, словно касаясь губ Цзи Саньмэя.

Даже через преграду лет его движение оставалось нежным, будто он бережно прикасался к редчайшему сокровищу.

Затем он аккуратно соединил с ними свои губы, целуя того, кто много лет назад влюблённо ждал его возвращения у этого порога.

Слеза скатилась по лицу Шэнь Фаши во время этого призрачного соприкосновения, но, прежде чем упасть на ладонь Цзи Саньмэя, была безжалостно поглощена стеной времени.

Однако Цзи Саньмэй, словно что-то почувствовав, вдруг встрепенулся. Он резко вскочил, но от онемевших ног пошатнулся и сделал несколько неуверенных шагов.

Он прошёл сквозь тело Шэнь Фаши, спустился по ступеням и, оглядевшись по сторонам, убедившись в полном одиночестве, усмехнулся.

— Брат Шэнь, — пробормотал он себе под нос, — ты заставил меня изрядно помучиться в ожидании.

В горле у Шэнь Фаши встал ком. Лишь спустя несколько мгновений он сумел выдать:

— Иди домой, здесь холодно.

Цзи Саньмэй не слышал его. Поэтому он вернулся на прежнее место, подтянул одежду, прислонился головой к стене и снова заснул.

Поза была неудобной, но на его лице лежало спокойствие — будто лишь эти холодные ступеньки были тем маленьким уголком, где он мог чувствовать себя в безопасности.

Сон его был глубоким. Он не проснулся даже тогда, когда глубокой ночью пошёл снег.

А когда открыл глаза, его ресницы уже покрыла тонкая снежная плёнка.

Цзи Саньмэй потёр глаза и первым делом, словно докладывая, сообщил невидимому Шэнь Фаши:

— Брат Шэнь, в Чжуине выпал снег.

Шэнь Фаши стоял рядом, заслоняя его от снега своей спиной. Но он мог лишь бессильно наблюдать, как снежинки проходят сквозь него, укрывая ноги Цзи Саньмэя.

Тот, впрочем, не обращал на это внимания. Он поднялся, потоптался на месте, подул на замёрзшие ладони, слегка подпрыгнул и довольно направился в сторону дома Цзи.

Шэнь Фаши смотрел на его удаляющуюся спину — такую, будто тот нашёл невероятную удачу, — и улыбнулся. А затем прислонился к стене и выплюнул сгусток чёрной крови.

Кровь стекала по его подбородку. Он попытался вновь поймать взглядом фигуру Цзи Саньмэя, но всё вокруг погрузилось во тьму.

...

Каково это — пробудиться из череды снов, снов внутри снов?

Ван Чуаньдэн, пожалуй, мог ответить на этот вопрос лучше, чем Шэнь Фаши.

Он помнил: то был четвёртый год после того, как правитель, узнав о смерти Цзи Саньмэя, покинул Чжуинь. Несмотря на все уговоры, правитель тогда воспользовался «Треножником Асуры».

Тот сон длился целый месяц. Шэнь Фаши не пробуждался, но залил всю постель кровью. А очнувшись, как обычно, долго сидел в оцепенении.

Ван Чуаньдэн не придавал этому значения — до тех пор, пока Шэнь Фаши не пришёл в себя от первоначального ступора и не вспомнил всё, что видел во сне.

Шэнь Фаши, с трудом поднявшись с кровати, произнёс три фразы.

— Он умер.

— ...Я так и не смог его спать. Он сорвался с обрыва у меня на глазах.

— Я убью Сунь Уляна.

Ван Чуаньдэн знал, что слова, сказанные в приступе безумия, всерьёз принимать не стоит. Поэтому изо всех сил удерживал его, даже когда тот избивал его до кровавой пены — что ж, сам был виноват.

Тот приступ, к счастью, длился недолго, иначе Ван Чуаньдэн мог бы погибнуть на месте.

Но выражение лица Шэнь Фаши оставалось безумным и пустым, что вызывало у Ван Чуаньдэна, стоявшего на коленях и вытиравшего кровь, самые дурные предчувствия.

— Ты прав, — пробормотал Шэнь Фаши. — Мне нельзя действовать сгоряча.

И добавил:

— Я подожду. Подожду, пока Саньмэй вернётся. Тогда я отрежу голову Сунь Уляну и поднесу ему.

Ван Чуаньдэн полагал, что это были лишь пустые слова, порождённые безумием. И не ожидал, что спустя столько лет, едва вернувшись в город Чжуинь, правитель первым делом вознамерится исполнить своё давнее безумное обещание.

Лишь сегодня Ван Чуаньдэн с ужасом осознал: с того самого пробуждения Шэнь Фаши так и не перестал безумствовать.

Вероятно, с самого момента вступления в Чжуинь его скрытая болезнь дала о себе знать, потому он и заперся в спальне, едва переступив порог дома Цзи...

Цзи Лючэнь, оставшийся в стороне, не понимал слов Шэнь Фаши:

— Зачем тебе глава семьи Сунь?

— Мне нужно с ним кое о чём поговорить, — ответил Шэнь Фаши.

Цзи Лючэнь пребывал в полном недоумении.

Хотя ему этого и не хотелось, но раз уж старший брат признал Шэнь Фаши, он решил проявить учтивость:

— Шэнь... брат Шэнь, а где мой старший брат?

Шэнь Фаши ответил коротко:

— Внутри, отдыхает.

Цзи Лючэнь кивнул, сделал широкий шаг к двери — но Шэнь Фаши толкнул его в грудь, едва не сбив с ног.

Шэнь Фаши спокойно смотрел на него:

— Не входи.

Без Цзи Саньмэя рядом Цзи Лючэнь больше не был послушным ребёнком. Гнев вспыхнул в нём, ярость забурлила в глазах:

— Шэнь Фаши, что это значит?

— Он мой, — произнёс Шэнь Фаши, не отводя взгляда. — Без моего разрешения никто не смеет на него смотреть.

Цзи Лючэнь, вне себя, выкрикнул:

— Да ты рехнулся!

Шэнь Фаши оставался невозмутим:

— Если войдёшь, не ручаюсь за последствия.

Лицо Цзи Лючэня исказилось, мышцы на руках вздрагивали. Но прежде чем он успел что-либо предпринять, из комнаты донёсся неторопливый голос Цзи Саньмэя:

— ...Лючэнь.

Недовольство Цзи Лючэня мгновенно растаяло. Его грозный вид исчез, сменившись обликом жалобного щенка, что так и норовил заглянуть в комнату:

— ...Старший брат, ты в порядке?

Шэнь Фаши установил барьер так, чтобы Цзи Саньмэй мог слышать происходящее снаружи. Тот вздохнул:

— Лючэнь, не шуми.

Цзи Лючэнь закусил губу:

— Старший брат, не заставляй себя.

Любого мужчину, запертого другим мужчиной и лишённого возможности видеться с близкими, Цзи Лючэнь счёл бы оскорблённым и униженным.

...Но если бы он мог видеть лицо Цзи Саньмэя в тот момент, он бы не думал так.

Тот едва сдерживал ликование, хотя голос сохранял серьёзность:

— Брат Шэнь, зайди ко мне.

Шэнь Фаши, уже собиравшийся уходить, слегка изменился в лице.

Цзи Саньмэй жалобно продолжил:

— У меня сильно болит спина.

Шэнь Фаши замедлил шаг, всё ещё колеблясь.

Цзи Саньмэй с упрёком добавил:

— ...Брат Шэнь, разве ты больше не любишь меня?

Шэнь Фаши, собиравшийся было отправиться за головой Сунь Уляна, не сказав ни слова, развернулся и снова переступил границу барьера.

Цзи Лючэнь рванулся следом — и чуть не ударился лицом о вновь сомкнувшуюся преграду.

В ярости он пнул невидимую стену.

Услышав этот диалог, Вэй Юань почувствовал, будто уши у него загорелись, и вынужден был почесать их.

В его руке болтался Хэ Цзыцзу, дрожащий, словно пойманный за уши кролик.

Вэй Юань встряхнул его:

— Что с этим делать?

Ван Чуаньдэн уже собирался ответить, но вдруг заметил нечто странное.

Он указал на Хэ Цзыцзу и спросил Вэй Юаня:

— Он только что сказал, что его следующая цель — кто?

Хэ Цзыцзу послушно подхватил:

— Сунь Улян.

Ван Чуаньдэн нахмурился.

Позавчера Хэ Цзыцзу убил Дин Шию, распространявшего ложные слухи. Вчера — Сунь Фэя, покушавшегося на жизнь Цзи Саньмэя. Сегодня он нацелился на Вэй Юаня, который всегда враждовал с Цзи Саньмэем...

Вся эта череда событий напоминала месть за Цзи Саньмэя.

И что поразительно — цель Хэ Цзыцзу и цель Шэнь Фаши были одним и тем же человеком.

От этой мысли у Ван Чуаньдэна по спине пробежал холодный пот.

<http://bllate.org/book/16281/1466384>